

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Э. БАГРИЦКИЙ

ДУМА ПРО ОПАНАСА
ПОЭЗИЯ

Эдуард Георгиевич Багрицкий

Дума про Опанаса; Поэзия

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9819738

Дума про Опанаса; Поэзия / Э. Г. Багрицкий; послесл. и коммент. Л.

А. Скубачевской; худож.-оформитель Е. Д. Кононченко. : Фолио;

Харьков; 2014

ISBN 978-966-03-5461-6, 978-966-03-6855-2

Аннотация

В издание вошли стихотворения и поэма «Дума про Опанаса» Эдуарда Багрицкого (1895–1934). Расцвет творчества поэта пришелся на 20-е годы прошлого века. Его стихи полны энтузиазма и революционной романтики. Поэт страстно верил в светлое будущее и мучительно пытался оправдать жестокость революционной идеологии и нарождавшийся тоталитаризм. Именно поэтому в одном из его стихотворений явившийся автору умерший Дзержинский говорит о наступающем веке: «Но если он скажет: «Солги!» – солги. Но если он скажет: «Убей!» – убей».

В 1926 г. Багрицкий создает поэму «Дума про Опанаса», в которой рассказывает о трагедии Гражданской войны, ломающей судьбы простых людей. Действие поэмы происходит в Украине во время борьбы большевиков с отрядами Махно.

Содержание

Дума про Опанаса	6
1	6
2	10
3	12
4	14
5	18
6	21
7	23
8	26
Эпилог	28
Поэзия	30
Стихотворения 1914–1925 гг. Одесса	30
Дионис	30
В пути	31
Креолка	32
Пристань	34
Конец Летучего Голландца	35
Рудокоп	36
Славяне	38
Враг	40
Суворов	41
Нарушение гармонии	43
Гимн Маяковскому	45

Дерибасовская ночью	46
О любителе соловьев	47
Осень	48
Полководец	50
О, скромная любовь весенних вечеров	51
О кобольде	52
Я отыскал сокровища на дне	53
«О Полдень, ты идешь в мучительной тоске...»	54
Движеньем несмелым	54
О, кофе сладостный, и ты, миндаль сухой	55
Осень	55
Эклога миру	58
Осенняя ловля	60
Кошки	62
«Я сладко изнемог от тишины и снов...»	63
Баллада о нежной даме	64
Трактир	65
Рассыпанной цепью	79
Знаки	82
Путнику	83
«Здесь гулок шаг. В пакгаузах пустых...»	84
Чертовы куклы	85
Освобождение	92
Урожай	98
Александру Блоку	99

Эдуард Багрицкий

Дума про Опанаса; Поэзия

Дума про Опанаса

*Посіяли гайдамаки
В Україні жито,
Та не вони його жали.
Що мусим робити?*

Т. Шевченко («Гайдамаки»)

1

По откосам виноградник
Хлопочет листвою,
Где бежит Панько из Балты
Дорогой степною.
Репухи кусают ногу,
Свищет житом пажить,
Звездный Воз ему дорогу
Оглоблями кажет.
Звездный Воз дорогу кажет
В поднебесье чистом —

На дебелие хозяйства
К немцам-колонистам.
Опанасе, не дай маху,
Оглядишь толково —
Видишь черную папаху
У сторожевого?
Знать, от совести нечистой
Ты бежал из Балты,
Топал к Штолю-колонисту,
А к Махне попал ты!
У Махна по самы плечи
Волосня густая:
— Ты откуда, человече,
Из какого края?
В нашу армию попал ты
Волей иль неволей?
— Я, батько, бежал из Балты
К колонисту Штолю.
Ой, грызет меня досада,
Крепкая обида!
Я бежал из продотряда
От Когана-жида...
По оврагам и по скатам
Коган волком рыщет,
Залезает носом в хаты,
Которые чище!
Глянет влево, глянет вправо,
Засопит сердито:
«Выгребайте из канавы

Спрятанное жито!»
Ну, а кто подымет бучу —
Не шуми, братишка:
Усом в мусорную кучу,
Расстрелять — и крышка!
Чернозем потек болотом
От крови и пота, —
Не хочу махать винтовкой,
Хочу на работу!
Ой, батько, скажи на милость
Пришедшему с поля,
Где хозяйство поместилось
Колониста Штоля?
— Штоль? Который, человеке?
Рыжий да щербатый?
Он застрелен недалече,
За углом от хаты...
А тебе дорога вышла
Бедовать со мною.
Повернешь обратно дышло —
Пулей рот закрою!
Дайте шубу Опанасу
Сукна городского!
Поднесите Опанасу
Вина молодого!
Сапоги подколотите
Кованым железом!
Дайте шапку, наградите
Бомбой и обрезом!

Мы пойдем с тобой далече,
От края до края! —
У Махна по самы пдечи
Волосня густая...

.....

Опанасе, наша доля
Машет саблей ныне, —
Зашумело Гуляй-Поле
По всей Украине.
Украина! Мать родная!
Жито молодое!
Опанасу доля вышла
Бедовать с Махною.
Украина! Мать родная!
Молодое жито!
Шли мы раньше в запорожцы,
А теперь – в бандиты!

Зашумело Гуляй-Поле
От страшного пляса, —
Ходит гоголем по воле
Скакун Опанаса.
Опанас глядит картиной
В папахе косматой,
Шуба с мертвого раввина
Под Гомелем снята.
Шуба – платье меховое —
Распахнута – жарко!
Френч английского покроя
Добыт за Вапняркой.
На руке с нагайкой крепкой
Жеребьячье мыло;
Револьвер висит на цепке
От паникадила.
Опанасе, наша доля
Туманом повита, —
Хлеборобом хочешь в поле,
А идешь – бандитом!
Полетишь дорогой чистой,
Залетишь в ворота,
Бить жидов и коммунистов —
Легкая работа!
А Махно спешит в тумане

По шляхам просторным,
В монастырском шарабане,
Под знаменем черным.
Стоном стонет Гуляй-Поле
От страшного пляса —
Ходит гоголем по воле
Скакун Опанаса...

Хлеба собрано немного —
Не скрипеть подводам.
В хате ужинает Коган
Житняком и медом.
В хате ужинает Коган,
Молоко хлебает,
Большевицким разговором
Мужиков смущает:
— Я прошу ответить честно,
Прямо, без уклона:
Сколько в волости окрестной
Варят самогона?
Что посевы? Как налоги?
Падают ли овцы?»
В это время по дороге
Топают махновцы...
По дороге пляшут кони,
В землю бьют копыта.
Опанас из-под ладони
Озирает жито.
Полночь сизая, степная
Встала пред бойцами,
Издалека темь ночная
Тлеет каганцами.
Брешут псы есторожевые,

Запевают певни.
Холодком передовые
Въехали в деревню.
За церковною оградой
Лязгнуло железо:
— Не разыщешь продотряда:
В доску перерезан! —
Хуторские псы, пляшите
На гремячей стали:
Словно перепела в жите,
Когана поймали.
Повели его дорогой
Сизою, степною, —
Встретился Иосиф Коган
С Нестором Махною!
Поглядел Махно сурово,
Покачал башкою,
Не сказал Махно ни слова,
А махнул рукою!
Ой дожил Иосиф Коган
До смертного часа,
Коль сошлась его дорога
С путем Опанаса!..
Опанас отставил ногу,
Стоит и гордится:
— Здравствуйте, товарищ Коган,
Пожалуйте бриться!

Тополей седая стая,
Воздух тополиный...
Украина, мать родная,
Песня-Украина!..
На твоём степном раздолье
Сыромаха скачет,
Свищет перекасти-поле
Да ворона кричит...
Всходит солнце боевое
Над степной дорогой,
На дороге нынче двое —
Опанас и Коган.
Над пылающим порогом
Зной дымит и тает;
Комиссар, товарищ Коган,
Барахло скидает...
Растеклось на белом теле
Солнце молодое.
— На, Панько, когда застрелишь,
Возьмешь остальное!
Пары брюк не пожалею,
Пригодятся дома, —
Всё же бывший продармеец,
Хороший знакомый!.. —
Всходит солнце боевое,

Кукурузу сушит,
В кукурузе ветер воет
Опанасу в уши:
— За волами шел когда-то,
Воевал солдатом.
Ты ли в сахарное утро
В степь выходишь катом? —
И раскинутая в плясе
Голосит округа:
— Опанасе! Опанасе!
Катюга! Катюга! —
Верещит бездомный копец
Под облаком белым:
— С безоружным биться, хлопец,
Последнее дело! —
И равнина волком воет —
От Днестра до Буга,
Зверем, камнем и травой:
— Катюга! Катюга!.. —
Не гляди же, солнце злое,
Опанасу в очи:
Он грустит, как с перепоя,
Убивать не хочет...
То ль от зноя, то ль от стоны
Подошла усталость,
Повернулся:
— Три патрона
В обойме осталось...
Кровь — постылая обуза

Мужицкому сыну...
Утекай же в кукурузу —
Я выстрелю в спину!
Не свалю тебя ударом,
Разгуливай с богом! —
Поправляет окуляры,
Улыбаясь, Коган:
— Опанас, работай чисто,
Мушкой не моргая.
Неудобно коммунисту
Бегать, как борзая!
Прямо кинешься — в тумане
Омуты речные,
Вправо — немцы-хуторяне,
Влево — часовые!
Лучше я погибну в поле
От пули бесчестной!..
Тишина в степном раздолье, —
Только выстрел треснул,
Только Коган дрогнул слабо,
Только ахнул Коган,
Начал сваливаться набок,
Падать понемногу...
От железного удара
Над бровями сгусток,
Поглядишь за окуляры:
Холодно и пусто...
С Черноморья по дорогам
Пыль несется плясом,

Носом в пыль зарылся Коган
Перед Опанасом...

Где широкая дорога,
Вольный плес днестровский,
Кличет у Попова лога
Командир Котовский.
Он долину озирает
Командирским взглядом,
Жеребец под ним сверкает
Белым рафинадом.
Жеребец подымет ногу,
Опустит другую,
Будто пробует дорогу,
Дорогу степную.
А по каменному склону
Из Попова лога
Вылетают эскадры
Прямо на дорогу...
От приварка рожи гладки,
Поступь удалая,
Амунция в порядке,
Как при Николае.
Головами крутят кони,
Хвост по ветру стелют:
За Махной идет погоня
Аккурат неделю.

.....

Не шумит над берегами
Молодое жито, —
За чумацкими возами
Прячутся бандиты.
Там, за жбаном самогона,
В палатке дерюжной,
С атаманом забубённым
Толкует бунчужный:
— Надобно с большевиками
Нам принять сражение, —
Покрутись перед полками,
Дай распоряжение!.. —
Как батько с размаху двинул
По столу рукою,
Как батько с размаху грянул
По земле ногою:
— Ну-ка, выдай перед боем
Пожирнее пищу,
Ну-ка, выбей перед боем
Ты из бочек днища,
Чтобы руки к пулеметам
Сами прикипели,
Чтобы хлопцы из-под шапок
Коршуньем глядели!
Чтобы порох задымился
Над водой днестровской,
Чтобы с горя удавился
Командир Котовский!..

.....

Прыщут стрелами зарницы,
Мгла ползет в ухабы,
Брежут рыжие лисицы
На чумацкий табор.
За широким ревом бычьим —
Смутно изголовье;
Див сулит полночным кличем
Гибель Приднестровью.
А за темными возами,
За чумацкой сонью,
За ковыльными чубами,
За крылом вороньим,
Омываясь горькой тенью,
Встало над землею
Солнце нового сраженья —
Солнце боевое...

Ну, и взялися ладони
За сабли кривые,
На дыбы взлетают кони,
Как вихри степные.
Кони стелются в разбеге
С дорогою вровень —
На чумацкие телеги,
На морды воловьи.
Ходит ветер над возами,
Широкий, бойцовский,
Казакует пред бойцами
Григорий Котовский...
Над конем играет шашка
Проливную силой,
Сбита красная фуражка
На бритый затылок.
В лад подрагивают плечи
От конского пляса...
Вырывается навстречу
Гривун Опанаса.
— Налетай, конек мой дикий,
Копытами двигай,
Саблей, пулей или пикой
Добудем комбрига! —
Налетели и столкнулись,

Сдвинулись конями,
Сабли враз перехлестнулись
Кривыми ручьями...
У комбрига боевая
Душа занялася,
Он с налета разрубает
Саблю Опанаса.
Рубанув, откинул шашку,
Грозится глазами:
– Покажи свою замашку
Теперь кулаками! —
У комбрига мах ядреный,
Тяжелей свинчатки,
Развернулся – и с разгону
Хлобысть по сопатке!..

.....

Опанасе, что с тобою?
Поник головою...
Повернулся, покачнулся,
В траву сковырнулся...
Глаз над левою скулою
Затек синевою...
Молча падает на спину,
Ладони раскинул...
Опанасе, наша доля
Развеяна в поле!..

Балта – городок приличный,
Городок что надо.
Нет нигде румяней вишни,
Слаще винограда.
В брынзе, в кавунах, в укропе
Звонок день базарный;
Голубей гоняет хлопец
С каланчи пожарной...
Опанасе, не гадал ты
В ковыле раздольном,
Что поедешь через Балту
Трактом малахольным;
Что тебе вдогонку бабы
Затоскуют взглядом;
Что пихнет тебя у штаба
Часовой прикладом...
Ой, чумацкие просторы —
Горькая потеря!..
Коридоры в коридоры,
В коридорах – двери.
И по коридорной пыли,
По глухому дому,
Опанаса проводили
На допрос к штабному.
А штабной имел к допросу

Старую привычку —
Предлагает папиросу,
Зажигает спичку:
— Гражданин, прошу по чести
Говорить со мною.
Долго ль вы шатались вместе
С Нестором Махною?
Отвечайте без обмана,
Не испуга ради, —
Сколько сабель и тачанок
У него в отряде?
Отвечайте, но не сразу,
А подумав малость, —
Сколько в основную базу
Фуража вмещалось?
Вам знакома ли округа,
Где он банду водит?..
— Что я знал: коня, подпругу,
Саблю да поводья!
Как дрожала даль степная,
Не сказать словами:
Украина — мать родная —
Билась под конями!
Как мы шли в колесном громе,
Так что небу жарко,
Помнят Гайсин и Житомир,
Балта и Вапнярка!..
Наворачивала удаль
В дым, в жестянку, в бога!..

...Одного не позабуду,
Как скончался Коган...
Разлюбезною дорогой
Не пройдутся ноги,
Если вытянулся Коган
Поперек дороги...
Ну, штабной, мотай башкою,
Придвигай чернила:
Этой самою рукою
Когана убило!..
Погибай же, Гуляй-Поле,
Молодое жито!..

.....

Опанасе, наша доля
Туманом повита!..

Опанас, шагай смелее,
Гляди веселее!
Ой, не гикнешь, ой, не топнешь,
В ладоши не хлопнешь!
Пальцы дружные ослабли,
Не вытащат сабли.
Наступил последний вечер,
Покрыть тебе нечем!
Опанас, твоя дорога —
Не дальше порога.
Что ты видишь? Что ты слышишь?
Что знаешь? Чем дышишь?
Ночь горячая, сухая,
Да темень сарая.
Тлеет лампочка иод крышей, —
Эй, голову выше!..
А навстречу над порогом —
Загубленный Коган.
Аккуратная прическа,
И щеки из воска.
Улыбается сурово:
— Приятель, здорово!
Где нам суждено судьбою
Столкнуться с тобою!..
Опанас, твоя дорога —

Не дальше порога...

Эпилог

Протекли над Украиной
Боевые годы.
Отшумели, отгудели
Молодые воды...
Я не знаю, где зарыты
Опанаса кости:
Может, под кустом ракиты,
Может, на погосте...
Плещет крыжень сизокрылый
Над водой днестровской;
Ходит слава над могилой,
Где лежит Котовский...
За бандитскими степями
Не гремят копыта:
Над горючими костями
Зацветает жито.
Над костями голубеет
Непроглядный омут
Да идет красноармеец
На побывку к дому...
Остановится и глянет
Синими глазами —
На бездомный круглый камень,
Вымытый дождями.
И нагнется, и подымет

Одинокий камень:
На ладони – белый череп
С дыркой над глазами.
И промолвит он, почуяв
Мертвую прохладу:
– Ты глядел в глаза винтовке,
Ты погиб как надо!.. —
И пойдет через равнину,
Через омут зноя,
В молодую Украину,
В жито молодое...

.....

Так пускай и я погибну
У Попова лога,
Той же славною кончиной,
Как Иосиф Коган!

Поэзия

Стихотворения 1914–1925 гг. Одесса

Дионис

Там, где выступ, холодный и серый,
Водопадом свергается вниз,
Я кричу у безмолвной пещеры:
– Дионис! Дионис! Дионис!

Утомясь после долгой охоты,
Запылив свой пурпурный наряд,
Он ушел в бирюзовые гроты
Выжимать золотой виноград...

Дионис! На щите золоченом —
Блеклых змей голубая борьба,
И рыдает разорванным стоном
Устремленная в небо труба...

И на пепел сожженного нарда,
Опьяненный, я падаю ниц;
Надо мной – голова леопарда,

Золотого вождя колесниц...

О, взметните покорные руки
В расцвечённый Дианой карниз!..
Натяните упорные луки, —
Дионис к нам идет, Дионис!

В облаках золотисто-пурпурный
Вечер плакал в туманной дали...
В моем сердце, узорчатой урне,
Светлой грусти дрожат хрустали.

1915

В пути

Уже двенадцать дней не видно берегов,
И ночь идет за днем, как волк за тихой серной,
И небо кажется бездонною цистерной,
Где башни рушатся туманных городов...

Уже двенадцать дней, как брошен Карфаген,
Уже двенадцать дней несут нас вдаль муссоны!..
Не звякнет тяжкий меч, не дрогнет щит червлёный,
Не брызнет белизной узор сидонских стен...

Напрасно третий день жгут синие куренья,
Напрасно молится у черной мачты жрец,

Напрасно льют на нард шипящий жир овец:
Свирепый Посейдон не знает сожаленья...

На грязной палубе, от солнца порыжелой,
Меж брошенных снастей и рваных парусов,
Матросы тихо спят; и горечь летних снов
Телами смуглыми безмолвно овладела...

И ночь идет за днем... Пурпуровую нить
Прядет больной закат за далью умиранья...
Но нам страшней громов, и бури, и рыданья —
В горящей тишине дрожащий возглас: «Пить!»

И ночь холодная идет стопой неверной,
Рассыпав за собой цветы поблекших снов...
Уже двенадцать дней не видно берегов,
И ночь идет за днем, как волк за тихой серной...

1915

Креолка

Когда наскучат ей лукавые новеллы
И надоест лежать в плетеных гамаках,
Она приходит в порт смотреть, как каравеллы
Плывут из смутных стран на зыбких парусах.

Шуршит широкий плащ из золотистой ткани;

Едва хрустит песок под красным каблучком,
И маленький индус в лазоревом тюрбане
Несет тяжелый шлейф, расшитый серебром.

Она одна идет к заброшенному молу,
Где плещут паруса алжирских бригадин,
Когда в закатный час танцуют фарандолу,
И флейта дребезжит, и стонет тамбурин.

От палуб кораблей так смутно тянет дегтем,
Так тихо шелестят расшитые шелка.
Но ей смешней всего слегка коснуться локтем
Закинувшего сеть мулата-рыбака...

А дома ждут ее хрустальные беседки,
Амур из мрамора, глядящийся в фонтан,
И красный попугай, висящий в медной клетке,
И стая маленьких бесхвостых обезьян.

И звонко дребезжат зеленые цикады
В прозрачных венчиках фарфоровых цветов,
И никнут дальних гор жемчужные громады
В берегах голубых пушистых облаков.

Когда ж проснется ночь над мраморным балконом
И крикнет козодой, крылами трепеща,
Она одна идет к заброшенным колоннам,
Окутанным дождем зеленого плюща...

В аллее голубой, где в серебре тумана
Прозрачен чайных роз тягучий аромат,
Склонившись, ждет ее у синего фонтана
С виолой под плащом смеющийся мулат.

Он будет целовать пугливую креолку,
Когда поют цветы и плачет тишина...
А в облаках, скользя по голубому шелку,
Краями острыми едва шуршит луна...

1915

Пристань

Встает зеленый пар над синевой зыбей,
И небо вдалеке прозрачно-голубое...
И месяц, опьянев от тишины и зноя,
Разорван на куски ударом тонких рей...

Скелеты бригаantin, как черные бойцы,
Вонзили копыя мачт в лазурную бумагу...
И пурпурный корсар безмолвно точит шпагу,
Чтоб гибель разнести в далекие концы.

В таверне «Синий Бриг» усталый шкипер Пит
Играет грустный вальс на дряхлой мандолине,
А рядом, у стола, в изломанной корзине
Огромный черный кот, оскалившись, храпит...

И юнга, в сон любви безмолвно погружен,
Вдыхает синий дым из жерла черной трубки,
И в кружеве огней мерещатся сквозь сон
Поющий звон серег и пурпурные губки.

И сабли длинные о грязный пол стучат,
И пиво едкое из бочек брызжет в кружки...
А утром медные на них направит пушки
Подплывший к пристани сторожевой фрегат...

1915

Конец Летучего Голландца

Надтреснутых гитар так дребезжащи звуки,
Охрипшая труба закашляла в туман,
И бьют костлявые безжалостные руки
В большой, с узорами, турецкий барабан...

У красной вывески заброшенной таверны,
Где по сырой стене ползет зеленый хмель,
Напившийся матрос горланит ритурнель,
И стих сменяет стих, певучий и неверный...

Струится липкий чад над красным фонарем.
Весь в пятнах от вина передник толстой Марты,
Два пьяных боцмана, бранясь, играют в карты;

На влажной скатерти дрожит в стаканах ром...

Береты моряков обшиты галунами,
На пурпурных плащах в застёжке – бирюза.
У бледных девушек зеленые глаза
И белый ряд зубов за красными губами...

Фарфоровый фонарь – прозрачная луна,
В розетке синих туч мерцает утомленно,
Узорчат лунный блеск на синеве затона,
О полусгнивший мол бесшумно бьет волна...

У старой пристани, где глуше пьяниц крик,
Где реже синий дым табачного угара,
Безумный старый бриг Летучего Корсара
Раскрашенными флагами поник.

1915

Рудокоп

Я в горы ушел изумрудною ночью,
В безмолвье снегов и опаловых льдин...
И в небе кружились жемчужные клочья,
И прыгать мешал на ремне карабин...

Меж сумрачных пихт и берез шелестящих
На лыжах скользил я по тусклому льду,

Где гномы свозили на тачках скрипящих
Из каменных шахт золотую руду...

Я видел на глине осыпанных щебней
Медвежьих следов перевитый узор,
Хрустальные башни изломанных гребней
И синие платья застывших озер...

И мерзлое небо спускалось всё ниже,
И месяц был льдиной над глыбами льдин,
Но резко шипели шершавые лыжи,
И мерно дрожал на ремне карабин...

В морозном ущелье три зимних недели
Я тяжелой киркою граниты взрывал,
Пока над обрывом, у сломанной ели,
В рассыпанном кварце зажегся металл...

И гасли полярных огней ожерелья,
Когда я ушел на далекий Восток...
И встал, колыхаясь, над мглою ущелья
Прозрачной весны изумрудный дымок...

Я в город пришел в ускользящем мраке,
Где падал на улицы тающий лед.
Я в лужи ступал. И рычали собаки
Из ветхих конур, у гниющих ворот...

И там, где фонарь над дощатым забором

Колышется в луже, как желтая тень,
Начерчены были шершавым узором
На вывеске буквы «Бегущий Олень»...

И там, где плетет серебристые сетки
Над визгом оркестра табачный дымок,
Я бросил у круга безумной рулетки
На зелень сукна золотистый песок...

А утром, от солнца пьяна и туманна,
Огромные бедра вздымала земля...
Но шею сжимала безмолвно и странно
Холодной змеею тугая петля.

1915

Славяне

Мы жили в зеленых просторах,
Где воздух весной напоен,
Мерцали в потупленных взорах
Костры кочевавших племен...

Одеты в косматые шкуры,
Мы жертвы сжигали тебе,
Тебе, о безумный и хмурый
Перун на высоком столбе.

Мы гнали стада по оврагу,
Где бисером плещут ключи,
Но скоро кровавую брагу
Испьют топоры и мечи.

Приходят с заката тевтоны
С крестом и безумным орлом,
И лебеди, бросив затоны,
Ломают осоку крылом.

Ярила скрывается в тучах,
Стрибог подымается в высь,
Хохочут в чащобах колючих
Лишь волк да пятнистая рысь...

И желчью сырой опоенный,
Трепещет Перун на столбе.
Безумное сердце тевтона,
Громовник, бросаю тебе...

Пылают холмы и овраги,
Зарделись на башнях зубцы,
Пронесят червонные стяги
В плащах белоснежных жрецы.

Рычат исступленные трубы,
Рокочат рыдания струн,
Оскалив кровавые зубы,
Хохочет безумный Перун!..

Враг

Сжимает разбитую ногу
Гвоздями подбитый сапог,
Он молится грустному богу;
Молитвы услышит ли бог?

Промечут холодные зори
В поля золотые огни...
Шумят на багряном просторе
Зеленые вязы одни.

Лишь ветер, сорвавшийся с кручи,
Взвихрит серебристую пыль,
Да пляшет татарник колючий,
Да никнет безмолвно ковыль.

А ночью покроет дороги
Пропитанный слизью туман,
Протопчут усталые ноги,
Тревогу пробьет барабан.

Идет, под котомкой сгибаясь,
В дыму погибающих сел,
Беззвучно кричит, задыхаясь,

На знамени черный орел.

Протопчет, как дикая пляска,
Коней ошалелый галоп...
Опускается медная каска
На влажный запыленный лоб.

Поблекли засохшие губы,
Ружье задрожало в руке;
Запели дозорные трубы
В деревне на ближней реке...

Сейчас над сырыми полями
Свой веер раскроет восток...
Стучит тяжело сапогами
И взводит упругий курок...

Сентябрь 1914

Суворов

В серой треуголке, юркий и маленький,
В синей шинели с продранными локтями, —
Он надевал зимой теплые валенки
И укутывал горло шарфами и платками.

В те времена по дорогам скрипели еще дилижансы,
И кучера сидели на козлах в камзолах и фетровых

шляпах;

По вечерам, в гостиницах, веселые девушки пели романсы,

И в низких залах струился мятный запах.

Когда вдалеке звучал рожок почтовой кареты,

На грязных окнах подымались зеленые шторы,

В темных залах смолкали нежные дуэты,

И раздавался шепот: «Едет Суворов!»

На узких лестницах шуршали тонкие юбки,

Растворялись ворота услужливыми казачками,

Краснолицые путники почтительно прятали трубки,

Обжигая руки горячими угольками.

По вечерам он сидел у погаснувшего камина,

На котором стояли саксонские часы и уродцы из фарфора,

Читал французский роман, открыв его с середины,

«О мученьях бедной Жульетты, полюбившей знатного сеньора».

Утром, когда пастушьи рожки поют напевней

И толстая служанка стучит по коридору башмаками,

Он собирался в свои холодные деревни,

Натягивая сапоги со сбитыми каблуками.

В сморщенных ушах желтели грязные ватки;

Старчески кряхтя, он сходил во двор, держась за перила;

Кучер в синем кафтане стегал рыжую лошадку,
И мчались гостиница, роща, так что в глазах рябило.

Когда же перед ним выплывали из тумана
Маленькие домики и церковь с облупленной крышей,
Он дергал высокого кучера за полу кафтана
И кричал ему старческим голосом: «Поезжай потише!»

Но иногда по первому выпавшему снегу,
Стоя в пролетке и держась за плечо возницы,
К нему в деревню приезжал фельдъегерь
И привозил письмо от матушки-императрицы.

«Государь мой, – читал он, – Александр Васильич!
Сколь прискорбно мне Ваш мирный покой тревожить,
Вы, как древний Цинциннат, в деревню свою удалились,
Чтоб мудрым трудом и науками свои владения
множить...»

Он долго смотрел на надушенную бумагу —
Казалось, слова на тонкую нитку ниже;
Затем подходил к шкафу, вынимал ордена и шпагу
И становился Суворовым учебников и книжек.

1915

Нарушение гармонии

Ультрамариновое небо,
От бурь вспотевшая земля,
И развернулись желчью хлеба
Шахматною доской поля.

Кто, вышедший из темной дали,
Впитавший мощь подземных сил,
В простор земли печатью стали
Прямоугольники вонзил?

Кто, в даль впиваясь мутным взором,
Нажатьем медленной руки
Геодезическим прибором
Рвет молча землю на куски?

О Землемер, во сне усталом
Ты видишь тот далекий скат,
Где треугольник острым жалом
Впился в очерченный квадрат.

И циркуль круг чертит размерно,
И линия проведена,
Но всё ж поет, клонясь неверно,
Отвеса медного струна:

О том, что площади покаты
Под землемерною трубой,
Что изумрудные квадраты
Кривой рассечены межой;

Что, пыльной мглою опьяненный,
Заняв квадратом ближний скат,
Углом в окружность заключенный,
Шуршит ветвями старый сад;

Что только памятник, бессилен,
Застыл над кровью поздних роз,
Что в медь надтреснутых извилин
Впился зеленый купорос.

1915

Гимн Маяковскому

Озверевший зубр в блестящем цилиндре —
Ты медленно поводишь остеклевшими глазами
На трубы, ловящие, как руки, облака,
На грязную мостовую, залитую нечистотами.
Вселенский спортсмен в оранжевом костюме,
Ты ударил землю кованым каблуком,
И она взлетела в огневые пространства
И несется быстрее, быстрее, быстрее...
Божественный сибарит с бронзовым телом,
Следящий, как в изумрудной чаше Земли,
Подвешенной над кострами веков,
Вздуваются и лопаются народы.
О Полководец Городов, бешено лающих на Солнце,

Когда ты гордо проходишь по улице,
Дома вытягиваются во фронт,
Поворачивая крыши направо.
Я, изнеженный на пуховиках столетий,
Протягиваю тебе свою выхолченную руку,
И ты пожимаешь ее уверенной ладонью,
Так что на белой коже остаются синие следы.
Я, ненавидящий Современность,
Ищущий забвения в математике и истории,
Ясно вижу своими всё же вдохновенными глазами,
Что скоро, скоро мы сгинем, как дымы.
И, почтительно сторонясь, я говорю:
«Привет тебе, Маяковский!»

1915

Дерибасовская ночью

(Весна)

На грязном небе выбиты лучами
Зеленые буквы: «Шоколад и какао»,
И автомобили, как коты с придавленными хвостами,
Неистово визжат: «Ах, мяу! мяу!»

Черные деревья растрепанными мётлами
Вымели с неба нарумяненные звезды,
И красно-рыжие трамваи, погромыхивая мордами,
По черепам булыжников ползут на роздых.

Гранитные дельфины – разжиревшие мопсы —
У грязного фонтана захотели пить,
И памятник Пушкина, всунувши в рот папиросу,
Просит у фонаря: «Позвольте закурить!»

Дегенеративные тучи проносятся низко,
От женских губ несет копеечными сигарами,
И месяц повис, как оранжевая сосиска,
Над мостовой, расчесавшей пробор тротуарами.

Семиэтажный дом с вывесками в охапке,
Курит уголь, как денди сигару,
И красноносый фонарь в гимназической шапке
Подмигивает вывеске – он сегодня в ударе.

На черных озерах маслянистого асфальта
Рыжие звезды служат ночи мессу...
Радуйтесь, сутенеры, трубы дома подымайте —
И у Дерибасовской есть поэтесса!

1915

О любителе соловьев

Я в него влюблена.
А он любит каких-то *соловьев*...
Он не знает, что не моя вина,

То, что я в него влюблена
Без щелканья, без свиста и даже без слов.
Ему трудно понять,
Как его может полюбить *человек*:
До сих пор его любили только *соловыи*.
Милый! Дай мне тебя обнять,
Увидеть стрелы опущенных век,
Рассказать о муках любви.
Я знаю, он меня спросит: «А где твой хвост?
Где твой клюв? Где у тебя прицеплены крылья?»
«Мой милый! Я не *соловей*, не *славка*, не *дрозд*...
Полюби меня – ДЕВУШКУ,
ПТИЦЕПОДОБНЫЙ
и
хилый... Мой милый!»

1915

Осень

Литавры лебедей замолкли вдалеке,
Затихли журавли за топкими лугами,
Лишь ястреба кружат над рыжими стогами,
Да осень шелестит в прибрежном тростнике.

На сломанных плетнях завился гибкий хмель,
И никнет яблоня, и утром пахнет слива,
В веселых кабачках разлито в бочки пиво,

И в тихой мгле полей, дрожа, звучит свирель.

Над прудом облака жемчужны и легки,
На западе огни прозрачны и лиловы.
Запрятавшись в кусты, мальчишки-птицеловы
В тени зеленых хвой расставили силки.

Из золотых полей, где синий дым встает,
Проходят девушки за грузными возами,
Их бедра зыблются под тонкими холстами,
На их щеках загар, как золотистый мед.

В осенние луга, в безудержный простор
Спешат охотники под кружевом тумана.
И в зыбкой сырости пронзительно и странно
Звучит дрожащий лай нашедших зверя свор.

И Осень пьяная бредет из темных чаш,
Натянут темный лук холодными руками,
И в Лето целится и пляшет над лугами,
На смуглое плечо накинув желтый плащ.

И поздняя заря на алтарях лесов
Сжигает темный народ и брызжет алой кровью,
И к дерну летнему, к сырому изголовью
Летит холодный шум спадающих плодов.

Полководец

1

За пыльным золотом тяжелых колесниц,
Летающих к пурпуру слепительных подножий,
Курчавые рабы с натертой салом кожей
Проводят под уздцы нубийских кобылиц.

И там, где бронзовым закатом сожжены
Кроваво-красных гор обрывистые склоны,
Проходят медленно тяжелые слоны,
Влача в седой пыли расшитые попоны.

2

Свирепых воинов сзывают в бой рога;
И вот они ползут, прикрыв щитами спины,
По выжженному дну заброшенной стремнины
К раскинутым шатрам – становищу врага.

Но в тихом лагере им слышен хрип трубы,

Им видно, как орлы взнеслись над легионом,
Как пурпурный закат на бронзовые лбы
Льет медь и киноварь потоком раскаленным.

3

Ржавеет густо кровь на лезвиях мечей,
Стекает каплями со стрел, пронзивших спины,
И трупы бледные сжимают комья глины
Кривыми пальцами с огрызками ногтей.

Но молча он застыл на выжженной горе,
Как на воздвигнутом веками пьедестале,
И профиль сумрачный сияет на заре,
Как будто выбитый на огненной медали.

1916

О, скромная любовь весенних вечеров

О, скромная любовь весенних вечеров!
Далекий лай собак... Свист сторожа за домом...
И веет в сердце тихим и знакомым
С балконов узеньких и грустных парников.

Как сладостно впивать такой любви угар —
И видеть вечером, в какой-то тусклой сетке,
Угрюмого кота и канарейку в клетке,
И стены белые, и золотистый пар!..

1916

О кобольде

Фарфоровые коровы недаром мычали,
Шерстяной попугай недаром о клетку бился, —
В темном уголке, в старинной заброшенной зале,
В конфетной коробке кобельд родился.

Прилетели эльфы к матери кобельда,
Зашуршали перепонками прозрачных крылий;
Два бумажных раскрашенных герольда,
Надувши щеки, в трубы трубили.

Длинноносый маг в колпаке зеленом
К яслям на картонном гусе приехал;
Восковая пастушка посмотрела изумленно
И чуть не растаяла от тихого смеха.

Кобельд был сделан из гуттаперчи,
Вместо короны ему приклеили золотую бумажку;
Суровая матушка наклонила чепчик
И поднесла к губам его манную кашку.

За печкой очень удивлялись тараканы,
Почему такой шум в старой зале, —
Сегодня нет гостей, не шуршат юбки и кафтаны,
Напудренный мальчик не играет на рояли.

Восковая пастушка ушла на поклоненье,
А оловянный гусар по ней страстью томился:
Он не знал, что в гостинной, где синие тени,
В конфетной коробке кобальд родился.

1915

Я отыскал сокровища на дне

Я отыскал сокровища на дне —
Глухое серебро таинственного груза,
И вот из глубины прозрачная медуза
Протягивает щупальцы ко мне!

Скользящей липкостью сожми мою печаль,
С зеленым хрусталем позволь теснее слиться...
...В раскрывшихся глазах мелькают только птицы,
И пена облаков, и золотая даль.

1916

«О Полдень, ты идешь в мучительной тоске...»

О Полдень, ты идешь в мучительной тоске
Благословить огнем те берега пустые,
Где лодки белые и сети золотые
Лениво светятся на солнечном песке.
Но в синих сумерках ты душен и тяжел —
За голубую соль уходишь дымной глыбой,
Чтоб ветер, пахнувший смолой и свежей рыбой,
Ладонью влажною по берегу провел.

1916

Движеньем несмелым

Движеньем несмелым
Ночь кутает комнату пряжей,
В окне потускнелом
Мелькают огни экипажей...

И вот из-под стали
Змеею излиться готово
В бумажные дали
Внезапно расцветшее слово.

1916

О, кофе сладостный, и ты, миндаль сухой

О, кофе сладостный, и ты, миндаль сухой!
На белых столиках расставленные чашки...
Клетчатая доска, и круглые костяшки
Построены в ряды внимательной рукой.

Бог шашечной игры спокоен и угрюм, —
На локти опершись, за стойкой дремлет немо...
Какой возвышенной и строгой теоремой
В табачной радуге занялся вещий ум!..

Смотри внимательней, задумчивый игрок,
Куда направилась рассыпанная стая...
И вот, коричневый квадрат освобождая,
Передвигается слепительный кружок!..

1916

Осень

Я целый день шатаюсь по дорогам,

Хожу в деревни и сию в корчмах.
В мою суму дорожную бросают
Потертый грош, творожную лепешку
Или кусок соленой ветчины.
Я вижу, как пирожница-Зима
Муку и сахар на дороги сыплет,
Развешивает леденцы на елках,
И пачкает лицо свое мукой,
И в нос украдкой песню напевает.
Но вот – задумается хлопотунья,
Забудет печь закрыть засовом плотным,
И теплый дух, откуда ни возмись,
Повеет вдруг, и леденцы растают,
И почернеет рыхлая мука.
И вот по кочкам, по буграм и тропам
Сначала робко, а потом смелее,
Подняв рукою платье до колен
И розовые ноги обнажив,
Вприпрыжку, брызгая водой из луж,
Уже спешит к нам девушка-Весна.
Тогда на холм зеленый я взбираюсь,
Гляжу из-под ладони в даль сухую —
И вижу, как развалистой походкой,
На лоб надвинув вязаный колпак
И потный лоб рукою отирая,
К нам Лето добродушное плетется.
Оно придет и сядет у дороги,
Раскинет ноги в башмаках тяжелых,
Закурит трубку и заснет на солнце.

Но и над ним склоняется лицо
Работницы, и сумрачная Осень
Дремотное расталкивает Лето.
И, пробужденное, оно встает,
Зевает и бранится потихоньку,
Чтобы, избави бог, не услышала
Работница печальной воркотни;
И медленно, через леса и доли,
Оно бредет развалистой походкой
В неведомый никем простор. А Осень
Спешит в сады, где соком благодатным
Наполнены тяжелые плоды.
Она весь день работает. В корзины
Навалены и яблоки и груши.
Из ячменя варят по селам пиво.
От мертвых туш струится дым веселый,
И пахнут воском улы на припеке.
Привет тебе, о благодетная Осень,
Питательница сырых и убогих,
Склонившаяся над корзиной тяжелой,
Откуда мерно падают на землю
То рыжий колос, то созревший плод.
И мы, бродяги, подбираем жадно
В свои подолы сладкие подарки.
Когда ж окончится страда степная
И над скрипящими в полях возами
Курлыканье раздастся журавлей, —
Я, бедный странник, подымаю руки
И говорю: иди, иди, родная,

Святая из святых. Да путь твой будет
Душист и ясен. Да не тяготят
Тебя плодов тяжелые корзины.
И ты идешь, ведомая станицей
Летающих журавлей. Идешь и таешь.
И только плащ твой треплет на ветру.
Еще мгновенье – и за поворотом
Исчез и он. Кружится пыль, и листья
Взлетают над холодной землей.

1916

Эклога миру

...И грозные полки свой ток остановили...
В садах Кампании, меж роз и нежных лилий,
В дар богу мирному напевов и страстей
Сыны Авзонии, устав от тяжелой брани,
С молитвой сладостной, с восторгом упований
Несли на жертвенник ягнят и голубей...

Но грозный Рим кипел: в огне всемирной славы
Сверкали воинов щиты и латиклавы,
И там, где тихий луч струился горячо,
Хламида пыльной край закинув на плечо,
У мраморных колонн философ бородатый
Кровавый близил час безумья и расплаты.

Был тяжек стук мечей, и бронзы грозен звон,
И в тирском пурпуре, склонив свой череп голый,
С толпою ликторов, разгульной и веселой,
Направил Цезарь шаг коня чрез Рубикон...
Но брошены войны кровавые забавы,
И сладостно цветут в сиянии мирной славы
И мудрость дивная, и радостный покой —
Под сенью мраморной, от солнца золотой.

О, мир! Тебе певцы слагают громко оды,
Рокочут струны лир, гласят хвалу народы...
Ты нежным отроком, торжественен и прост,
С улыбкой тихою, неслышную стопую
Проходишь по полям... И сладко над тобою
Струится зарево дрожащих в небе звезд.

...Но бурные века стремятся за веками!
Я вижу, как бегут пред грозными полками
Ряды испуганных, разбитых сарацин...
Я вижу легкий бег испанских бригантин,
Несущих свет креста к Америке далекой...
Я слышу вой рогов в ночи, как сон, глубокой,
И топот бешеных, неслыханных охот...
Так мерен и жесток столетний чуткий ход!..

И вот в тумане, злом и солнцем обагренном,
От душных пирамид до голубых снегов,
От Тибра пенного до рейнских берегов —
Ведомые Наполеоном,

С орлами галльскими идут в простор полки!
Но грозны россиян трехгранные штыки,
И падают, шурша, всемирные знамена
На снег, серебряной луною озаренный...

И ты приходишь вновь под страстный рокот лир,
С оливою в руке, прекрасный отрок-мир,
И тихий льешь елей – блаженный дар покоя —
На волны пенные, взметенные грозою...

...Суровый гнев богов вновь взволновал Россию,
Вновь на снега ее прозрачно-голубые
Густыми каплями течет глухая кровь...
И встало медленно над черными лесами,
В кровавой радуге, бушующее пламя,
И жуток в сумерках протяжный вой рогов...

И звезды мертвые плывут холодным клиром
Над обезумевшим от жаркой крови миром,
И вороны кричат на сломанных крестах...
Но тихо к нам идет, с улыбкой на устах,
Веселый отрок-мир в лазурном одеянье,
Суля покой, и страсть, и мудрые желанья...

1917

Осенняя ловля

Осенней ловли началась пора,
Смолистый дым повиснул над котлами,
И сети, вывешенные на сваях,
Колышутся от стука молотков.
И мы следим за утреннею ловлей,
Мы видим, как уходят в море шхуны,
Как рыбаков тяжелые баркасы
Соленою нагружены треской.
Кто б ни был ты: охотник ли воскресный,
Или конторщик с пальцами в чернилах,
Или рыбак, или боец кулачный,
В осенний день, в час утреннего лова,
Когда уходят парусные шхуны,
Когда смолистый дым прохладно тает
И пахнет вываленная треска,
Ты чувствуешь, как начинает биться
Пирата сердце под рубахой прежней.
Хвала тебе! Ты челюсти сжимаешь,
Чтоб не ругаться боцманскою бранью,
И на ладонях, не привыкших к соли,
Мозоли крепкие находишь ты.
Где б ни был ты: на берегу Аляски,
Закутанный в топорщащийся мех,
На жарких островах Архипелага
Стоишь ли ты в фланелевой рубахе,
Или у Клязьмы с удочкой сидишь ты,
На волны глядя и следя качанье
Внезапно дрогнувшего поплавка, —
Хвала тебе! Простое сердце древних

Вошло в тебя и расправляет крылья,
И ты заводишь боевую песню, —
Где грохот ветра и прибой морей.

1918

Кошки

Ал. Соколовскому

Уже на крыше, за трубой,
Под благосклонною луною
Они собираются толпой,
Подняв хвосты свои трубою.
Где сладким пахнет молоком
И нежное белеет сало,
Свернувшись бархатным клубком,
Они в углу ворчат устало.
И возбужденные жарой,
Они пресыщены едою,
Их не тревожит запах твой,
Благословенное жаркое.
Как сладок им весенний жар
На кухне, где плита пылает,
И супа благовонный пар
Там благостно благоухает.
О черных лестниц тишина,
Чердак, пропахнувший мышами,

Где из разбитого окна
Легко следить за голубями.
Когда ж над домом стынет тишь
Волной вечернего угара,
Тогда, скользя по краю крыш,
Влюбленные проходят пары.
Ведь ты, любовь, для всех одна,
Ты всех страстей нежней и выше,
И благосклонная луна
Зовет их на ночные крыши.

1919

«Я сладко изнемог от тишины и снов...»

Я сладко изнемог от тишины и снов,
От скуки медленной и песен неумелых,
Мне любви петухи на полотенцах белых
И копоть древняя суровых образов.
Под жаркий шорох мух проходит день за днем,
Благочестивейшим исполненный смиреньем,
Бормочет перепел под низким потолком,
Да пахнет в праздники малиновым вареньем.
А по ночам томит гусиный нежный пух,
Лампада душная мучительно мигает,
И, шею вытянув, протяжно запекает
На полотенце вышитый петух.
Так мне, о Господи, ты скромный дал приют

Под кровом благостным, не знающим волнения,
Где дни тяжелые, как с ложечки варенье,
Густыми каплями текут, текут, текут.

1919

Баллада о нежной даме

Зачем читаешь ты страницы
Унылых, плачущих газет?
Там утки и иные птицы
В тебя вселяют ужас. – Нет,
Внемли мой дружеский совет:
Возьми ты объявлений пачку,
Читай, – в них жизнь, в них яркий свет:
«Куплю японскую собачку!»
О дама нежная! Столицы
Тебя взлелеяли! Корнет
Именовал тебя царицей,
Бела ты, как вишневый цвет.
Что для тебя кровавый бред
И в горле пушек мяса жвачка, —
Твоя мечта светлей планет:
«Куплю японскую собачку».
Смеживши черные ресницы,
Ты сладко кушаешь шербет.
Твоя улыбка как зарница,
И содержатель твой одет

В тончайший шелковый жилет,
И нанимает третью прачку, —
А ты мечтаешь, как поэт:
«Куплю японскую собачку».
Когда от голода в скелет
Ты превратишься и в болячку,
Пусть приготовят на обед
Твою японскую собачку.

1919

Трактир

Посвящение 1 (ироническое)

Всем неудачникам хвала и слава!
Хвала тому, кто, в жажде быть свободным,
Как дар, хранит свое дневное право —
Три раза есть и трижды быть голодным.
Он слеп, он натывается на стены.
Он одинок. Он ковыляет робко.
Зато ему пребудут драгоценны
Пшеничный хлеб и жирная похлебка.
Когда ж, овеяно предсмертной ленью,
Его дыханье вылетит из мира,
Он сытое найдет успокоенье

В тени обетованного трактира.

Посвящение 2 (романтическое)

Увы, мой друг, мы рано постарели
И счастьем не насытились вполне.
Припомним же попойки и дуэли,
Любовные прогулки при луне.
Сырая ночь окутана туманом...
Что из того? Наш голос не умолк
В тех погребях, где юношам и пьяным
Не отпускают вдохновенья в долг.
Женаты мы. Любовь нас не волнует.
Домашней лирики приходит срок.
Пора! Пора! Уже нам в лица дует
Воспоминаний слабый ветерок.
И у сосновой струганой постели
Мы вспомним вновь в предсмертной тишине
Веселые попойки и дуэли,
Любовные прогулки при луне.

Сцена изображает чердак в разрезе. От чердака к низким и рыхлым облакам подымается витая лестница и теряется в небе. Поэт облокотился о стол, опустив голову. На авансцену выходит Чтец.

Чтец

Для тех, кто бродит по дворам пустым
С гитарой и ученою собакой,
Чей голос дребезжит у черных лестниц,
Близ чадных кухонь, у помойных ям,
Для тех неунывающих бродяг,
Чья жизнь, как немощеная дорога,
Лишь лужами и кочками покрыта,
Чье достоянье – посох пилигрима
Или дырявая сума певца, —
Для вас, о неудачники мои,
Пройдет нравоучительная повесть
О жизни и о гибели певца.
О вы, имеющие теплый угол,
Постель и стеганое одеяло,
Вы, греющие руки над огнем,
Прислушиваясь к нежному ворчанью
Похлебки в разогретом котелке, —
Внемлите этой повести печальной
О жизни и о гибели певца.

Певец

Окончен день, и труд дневной окончен.
Башмачник, позабывший вколотить
Последний гвоздь в широкую подошву,
Встречает ночь, удобно завалившись
С женою спать. Портной, мясник и повар

Кончают день в корчме гостеприимной
И пивом, и сосисками с капустой
Встречают наступающую ночь.
Десятый час. Теперь на скользких крышах
Кошачьи начинаются свиданья.
Час воровской работы и любви,
Час вдохновения и час разбоя,
Час, возвещающий о жарком кофе,
О булках с маслом, о вишневой трубке,
Об ужине и о грядущем сне.
И только я, бездельник, не узнаю
Чудесных благ твоих, десятый час.
И сон идет и пухом задувает
Глаза, но только веки опущу,
И улица плывет передо мною
В сиянии разубранных витрин.
Там розовая стынет ветчина,
Подобная прохладному рассвету,
И жир, что обволакивает мясо,
Как облак, проплывающий в заре.
О пирожки, обваренные маслом,
От жара раскаленной духовой
Коричневым покрытые загаром,
Вас нежный сахар инеем покрыл,
И вы лежите маслянистой грудой
Средь ржавых груш и яблок восковых.
И в темных лавках, среди туш, висящих
Меж ящиков и бочек солонины,
Я вижу краснощеких мясников,

Колбасников в передниках зеленых.
Я вижу, как шатаются весы
Под тягой гирь, как нож блестит и сало,
Свистя, разрезывает на куски.
И мнится мне, что голод скользкой мышью
По горлу пробирается в желудок,
Царапается лапками тугими,
Барахтается, ноет и грызет.
О Господи, ты дал мне голос птицы,
Ты языка коснулся моего,
Глаза открыл, чтобы сокровенное узреть,
Дал слух совы и сердце научил
Лад отбивать слагающейся песни.
Но, господи, ты подарить забыл
Мне сытое и сладкое безделье,
Очаг, где влажные трещат дрова,
И лампу, чтоб мой вечер осветить.
И вот глаза я подымаю к небу
И руки складываю на груди —
И говорю: «О Боже, может быть,
В каком-нибудь неведомом квартале
Еще живет мясник сентиментальный,
Бормочущий возлюбленной стихи
В горячее и розовое ухо.
Я научу его язык словам,
Как мед тяжелый, сладким и душистым,
Я дам ему свой взор, и слух, и голос, —
А сам — под мышки фартук подвяжу,
Нож наточу, лоснящийся от жира,

И молча стану за дубовой стойкой
Медлительным и важным продавцом».
Но ни один из мясников не сменит
Свой нож и фартук на судьбу певца.
И жалкой я брожу теперь дорогой,
И жалкий вечер без огня встречаю —
Осенний вечер, поздний и сырой.

Чтец

Так, что ни вечер, сетует певец
На Господа и Промысел небесный.
И вот сквозь пенье скрипок и фанфар,
Сквозь ангельское чинное хваленье,
Господь, сидящий на высоком троне,
Услышал скорбную мольбу певца
И так сказал:

Голос

Сойди, гонец послушный,
С небес на землю. Там, в пыли и прахе,
Измученного отыщи певца.
И за руку возьми и приведи
Его ко мне – в мой край обетованный.
Дай хлеб ему небесный преломить
И омочи его гортань сухую
Вином из виноградников моих.
Дай теплоту ему, и тишину,

И ложе жаркое приуготовь,
Чтоб он вкусил безделие и отдых.
Сойди, гонец!

Чтец

И уж бежит к земле
По лестнице высокой и скрипучей
Гонец ширококрылый. И к нему
Всё ближе придвигается земля:
Уже он смутно различает крыши,
Верхи деревьев, купола соборов,
Он видит свет из-за прикрытых ставень.
И в уличном сиянье фонарей
Вечерний город – смутен и спокоен.
По лестнице бежит гонец послушный,
Распугивая голубей земных,
Заснувших под застрехами собора.
И грузный разговор колоколов
Гонец впивает слухом непривычным...
Всё ниже, ниже в царство чердаков,
В мир черных лестниц, средь стропил гниющих,
Бежит гонец, и в паутине пыльной
Легко мелькает ясная одежда
И крылья распростертые его.
О, как близка голодная обитель,
Где изможденный молится певец!
Так поспеши ж, гонец ширококрылый,
Сильней стучи в незапертую дверь,

Чтоб он услышал голос избавленья!
От голода и от скорбей земных.
Стук в дверь

Певец

Кто в этот час ко мне стучит!.. Сосед ли,
Пришедший за огнем, чтоб раскурить
Погаснувшую трубку, иль, быть может,
Товарищ мой, голодный как и я?
Войди, пришелец!

Чтец

И в комнату идет
Веснушчатый, и красный, и румяный
Рассыльный из трактира, и певец
Глядит на бойкое его лицо,
На руки красные, как сок морковный,
На ясные лукавые глаза,
Сияющие светом неземным.

Певец

О, посещение странное. Зачем
Пришел ко мне рассыльный из трактира?
Давно таких гостей я не встречал
С румянцем жарким и веселым взглядом.
Гонец

Хозяин мой вас приглашает нынче
Отужинать и выпить у него.

Певец

Но кто же ваш хозяин и откуда
Он знает обо мне?

Гонец

Хозяин мой
Все песни ваши помнит наизусть.
Хоть и трактирщик он, но всё же муза
Поэзии ему близка, и вот
Он нынче приглашает вас к себе.
Скорее собирайтесь. Долог путь —
Остынет ужин, прежде чем дойдем,
И зачерствеет нежный хлеб пшеничный.
Быстрее собирайтесь.

Певец

Только в плащ
Закутаюсь и шапку нахлобучу.

Гонец

Пора идти, хозяин ждать не любит.
Певец

Сейчас иду. Где мой дорожный шарф?

Чтец

Они идут от чердаков сырых,
От влажных крыш, от труб, покрытых сажей,
От визга кошек, карканья ворон
И звона колокольного, всё выше
По лестнице опасной и крутой.
Шатаются истертые ступени
Под шагом их. И ухватился крепко
За пальцы провожатого певец.
Всё выше, выше, к низким облакам,
Сырым и рыхлым, сквозь дождливый сумрак;
Раскачиваема упорным ветром,
Крутая лестница ведет гонца.
И падая, и оступаясь вниз,
И за руку вожатого хватаясь,
Певец идет всё выше, выше, выше,
От въедливого холода дрожа.

Певец

Опасен путь, и неизвестно мне,
Куда ведет он.

Гонец

Не волнуйся. Ты

Сейчас найдешь приют обетованный...

Певец

Но я боюсь, от сырости ночной
Скользит нога и лестница трещит...

Гонец

Будь стойким, не гляди через перила,
Держись упорней, вот моя рука —
Она крепка и удержать сумеет.

Чтец

Конец дороги скользкой и крутой.
Раздергиваются облака, треща,
Как занавес из коленкора. Свет
От фонаря, повисшего над дверью,
Слепящей пылью дунул им в глаза.
И вывеску огромную певец
Разглядывает с жадным любопытством:
Там кисть широкая намалевала
Оранжевую сельдь на блюде синем,
Малиновую колбасу и чашки
Зеленые с разводом золотым.
И надпись неуклюжая гласит:
«Заезжий двор — спокойствие сердец».
О, вечно восхваляемый трактир,

О, запах пива, пар, плывущий тихо
Из широко распахнутых дверей,
У твоего заветного порога
Перекрестились все пути земные,
И вот сюда пришел певец и жадно
Глядит в незапертую дверь твою.
Да, лучшего он пожелать не смел:
Под потолком, где сырость разрослась
Пятном широким, на крюках повисли
Огромные окорока, и жир
С них каплет мерно на столы и стулья.
У стен, покрытых краскою сырой,
Большие бочки сбиты обручами,
И медленно за досками гудит,
Шипит и бродит хмель пивной. А там,
На низких стойках, жареные рыбы
С куском салата, воткнутым во рты,
Коричневой залитые подливой,
Распластаны на длинных блюдах. Там
Дырявый сыр, пропахший нежной гнилью,
Там сало мраморным лежит пластом,
Там яблок груды, и загар медовый
Покрыв их щеки пылью золотой.
А за столом, довольные, сидят
На стульях гости. Чайники кругом,
Как голуби ленивые, порхают,
И чай, журча, струится в чашки. Вот
Куда пришел певец изнеможенный.
И ангел говорит ему:

«Иди

И за столом усядься. Ты обрел
Столь долгожданное успокоенье —
Хозяин всё тебе дарует».

Певец

Но

Чем расплачусь я?

Гонец

Это только мзда

За песни, что слагал ты на земле...

Чтец

С утра до вечера – еда, и только...

Певец толстеет. Вместо глаз уже

Какие-то гляделки. Вместо рук —

Колбасы. А стихи давным-давно

Забыл он. Только напевает в нос

Похабщину какую-то. Недели

Проходят за неделями. И вот

Еда ему противной стала. Он

Мечтает о работе, о веселых

Земных дорогах, о земной любви,

О голоде, который обучил

Его стихам, о чердаке пустом,

О каплях стеарина на бумаге...

Он говорит:

Певец

Ну, хватит, погулял!

Теперь пора домой. Моя работа

Заброшена. Пусти меня. Пора!

Чтец

Но тот, кто пригласил его к себе,

Не отпускает бедного поэта...

Он лучшее питье ему несет,

Он лучшие подсовывает блюда:

Пусть ест! Пусть поправляется! Зачем

Певцу земля, где голод и убийства:

Сиди и ешь! Чего тебе еще?

Певец

Пусти меня. Не то я перебыю

Посуду в этой комнате постылой.

Я крепок. Я отъелся, и теперь

Я буду драться, как последний грузчик.

Пусти меня на землю. У меня

Товарищи остались. Целый мир,

Деревьями поросший и водой

Обрызганный – в туманах и сияньях

Оставлен мной. Пусти меня! Пусти!
Не то я плюну в бороду твою,
Проклятый боров!.. Говорю: пусти!

Чтец

Тогда раздался голос:

Голос

Черт с тобой!
Довольно! Уходи! Катись на землю!

1919–1920, 1933

Рассыпанной цепью

Трескучей дробью барабанят ружья
По лиственницам сизым и по соснам.
Случайный дрозд, подраненный, на землю
Валится с криком, трепеща крылом!
Холодный лес, и снег, и ветер колкий...

И мы стоим рассыпанною цепью,
В руках двустволки, и визжат протяжно
Мордашки на отпущенных ремнях...
Друзья, молчите! Он залег упорно,

И только пар повиснул над берлогой,
И только слышен храп его тяжелый
Да низкая и злая воркотня...

Друзья, молчите! Пусть, к стволу прижавшись,
Прицелится охотник терпеливый!
И гром ударит между глаз звериных,
И туша, вздыбленная, затрепещет
И рухнет в мерзлые кусты и снег!

Так мы теперь раскинулись облавой —
Поэты, рыбаки и птицеловы,
Ремесленники, кузнецы, – широко
В лесу холодном, где колючий ветер
Нам в лица дует. Мы стоим вокруг
Берлоги, где засел в кустах замерзших
Мир, матерой и тяжкий на подъем...
Эй, отпускайте псов, пускай потреплют!
Пускай вопьются меткими зубами
В затылок крепкий. И по снегу быстро,
По листьям полым, по морозной хвое,
Через кусты катясь шаром визжащим,
Летят собаки. И уже встает
Из темноты берлоги заповедной
Тяжелый мир, огромный и косматый,
И под его опущенную лапой
Тяжелодышащий скребется пес!

И мы стоим рассыпанную цепью —

Поэты, рыбаки и птицеловы.
И, вздыбленный, идет на нас, качаясь,
Мир матерой. И вот один из нас —
Широкоплечий, русский и упорный —
Вытаскивает нож из сапога
И, широко расставив ноги, ждет
Хрипящего и бешеного зверя.

И зверь идет. Кусты трещат и гнутся,
Испуганный, перелетает дрозд,
И мы стоим рассыпанною цепью,
И руки онемели, и не можем
Прицелиться медведю между глаз...

А зверь идет... И сумрачный рабочий
Стоит в снегу и нож в руке сжимает,
И шею вытянул, и осторожно
Глядит в звериные глаза! Друзья,
Облава близится к концу! Ударит
Рука рабочья в сердце роковое,
И захрипит, и упадет тяжелый
Свирепый мир – в промерзшие кусты...

А мы, поэты, что во время боя
Стояли молча, мы сбежимся дружно,
И над огромным и косматым трупом
Мы славу победителю споем!

Знаки

Шумели и текли народы,
Вскипела и прошла волна —
И ветер Славы и Свободы
Вздувал над войском знамена...
И в каждой битве знак особый
Дела героев освещал
И страшным блеском покрывал
Земле не преданные гробы...

Была пора: жесток и горд,
Безумно предводя бойцами,
С железным топотом когорт
Шел Цезарь галльскими полями...
И над потоком желтой мглы
И к облакам взметенной пыли
Полет торжественный кружили
Квирита медные орлы...
И одноок, неукротимо,
Сквозь пыль дорог и сумрак скал,
Шел к золотым воротам Рима
Под рев слоновий Ганнибал...

Текли века потоком гулким,
И новая легла тропа,
Как по парижским переулкам

Впервые ринулась толпа, —
Чтоб, как взволнованная пена,
Сметая золото палат,
Зеленой веткой Демулена
Украсить стогны баррикад...
И вот, возвышенно и юно,
Посланницей высоких благ, —
Взнесла Парижская коммуна
В деснице нищей красный флаг...

И, знак особый выбирая
У всех народов и времен,
Остановились мы, не зная,
Какой из них нам присужден...
Мы не узнали... И над нами
В туманах вспыхнула тогда,
Сияя красными огнями,
Пятиконечная звезда!..

1920

Путнику

Студент Сорбонны ты или бродячий плут,
Взгляни: моя сума наполнена едою.
Накинь свой рваный плащ, и мы пойдем с тобою
В чудесную страну, что Фландрией зовут.

В дороге мы найдем в любой корчме приют,
Под ливнем вымокнем и высохнем от зноя,
Пока из-под холмов в глаза нам не сверкнут
Каналы Фландрии студеною волною.

Довольно ты склонял над пыльной кипой грудь,
Взгляни: через поля свободный льется путь!

Смени ж грамматику на посох пилигрима,
Всю мудрость позабуди и веселись, как дрозд, —
И наша жизнь пройдет струей мгновенной дыма,
Среди молчанья стад и в тихом блеске звезд.

1921

«Здесь гулок шаг. В пакгаузах пустых...»

Здесь гулок шаг. В пакгаузах пустых
Нет пищи крысам. Только паутина
Подернула углы. И голубиной
Не видно стаи в улицах немых.
Крик грузчиков на площадях затих.
Нет кораблей... И только на старинной
Высокой башне бьют часы. Пустынно
И скучно здесь, среди домов сырых.
Взгляни, матрос! Твое настало время,
Чтоб в порт, покинутый и обойденный всеми,
Из дальних стран пришли опять суда.

И красный флаг над грузною таможей
Нам возвестил о правде непреложной,
О вольном крае силы и труда.

1921

Чертовы куклы

От крутоседлой конницы татарской
Упрямый дух кумыса и конины
Смолой потек по городам и весям
До скопидомной ключницы Москвы.
Перепелиные стояли ночи,
И ржавый месяц колосом налитым
Тянулся к травам низким и сырым.
А за рекой стоял собачий лай,
Да резал воздух свист бича тугого,
Да бабий визг, да цокот соловья
Купеческого. А на Лобном месте
Бездомные собаки копошились
Над воровскою головой. Гудел
Сусальный перезвон. Пред византийской
Широкоглазой важностью иконы
Кудлатый инок плакал и вопил.
Потом кричал барашком недобитым
Вихрастый Дмитрий – и бродил суровый
Широкоплечий Годунов. А там
От тополей и лиственниц литовских

Вскрутилась пыль; там рыжие литвины
В косматых шапках и плащах медвежьих
Раскачивались в седлах; там в пыли
Маячили невиданные крылья
Варшавской конницы. И грузным шагом
Там коренастая брела пехота.
И трубные тугие голоса
Коней бесили: «На Москву, вперед!»
И белокрысый человек глядел
На солнечные головы соборов.
А в черных дебрях, в пустынях медвежьих,
Корявым плугом ковыряя землю,
Ждал крестьянин ночного бездорожья,
Чтоб, напустив на терема бояр
Багрового и злого петуха,
Удариться на Волгу и на Дон,
Пройти на Яик, сгинуть в Забайкалье,
Лишь изредка далекую Москву
Разбойной перекличкой беспокоить.
«Сарынь на кичку!» – начинает Дон.
«Сарынь на кичку!» – отвечает Волга.
«Сарынь на кичку!» – стонет по тайге
И замирает в чаще и чапыге...
Дождь пролетел. Крутые облака
Прошли медлительными косяками.
Будяк колючий и дурман белесый
Повырастали из замков ружейных,
Да ловкая завила повилика на них
Щиты с нерусскими словами.

Дождь прошумел. И вновь сусальный звон
Повис над деревянной Москвою.
Седобородым духовенством снова
Задымлены широкие соборы.
И вновь венец напяливают туго
Послушнику на отроческий лоб.
А вниз по Волге, к синим Жигулям,
К хвалынским волнам пролетают струги,
Саратов падает, кровотока,
Самара руки в ужасе ломает,
Смерд начинает наводить правеж,
И вся земля кричит устами смерди:
«Смерть! Смерть! Убей и по ветру раздуй
Гнездо гадюк и семена крапивы,
Бей кистенем ярыжек и бояр,
Наотмашь бей, наметься без промашки,
Чтоб на костях, на крови их взошла
Иная рожь и новая пшеница...»
Но деньги свой не потеряли вес,
Но золото еще блестит под солнцем...
И движутся наемные полки,
Нерусские сверкают алебарды,
И пушечный широкогорлый рев
Нерусским басом наполняет степи...
Палач поет, не покладая рук,
И свищет ветер по шатрам пустынным.
Давно истлели кости казаков,
Давно стрелецкая погибла воля,
Давно башка от звона и каждадня

Бурлящим квасом переполнена.
И бунтовщицкая встает слободка,
И женщина из темного оконца,
Целуя крест, холодным синим ногтем
На жертву кажет. А пила грызет,
Подскакивает молоток, и отрок
Стирает пот ладонью заскорузлой
С упрямого младенческого лба.
О, брадобрей! Уже от ловких ножниц
Спасаются брюхатые бояре,
И стриженные бороды упрямо
Топорщатся щетиною седой,
А ты гвардейским ржавым тесаком
Нарыв вскрываешь, пальцем протирая
Глаза от гноя брызнувшего. Ты
У палача усталого берешь
Его топор, – и головы стрельцов,
Как яблоки, валяются. И в лицо
Европе изумленной дышишь ты
Горячим и вонючим перегаром.
Пусть крепкой солью и голландской водкой
И въедливой болезнью ты наказан,
Всё так же величаво и ужасно
Кошачье крутоскулое лицо.
И вот, напившись праздничный камзол,
Ты в домовину лег, скрестивши руки,
Безумный трудолюбец.
Во дворце ж
Растрепанная рыжая царевна

Играет в прятки с певчим краснощеким
И падает на жаркие подушки, —
И арапчонок в парчевой чалме
Под дребезжанье дудки скоморошьей
Задерживает занавесь, смеясь.
Еще висящих крыс не расстрелял
Курносый немчик в парике кудрявом,
Еще игрушечные спят бригады
И генералы дремлют у дверей,
А женщина в гвардейском сюртуке
Взбесившуюся лошадь направляет, —
И средь кипящих киверов и шляп
Немецкий выговор и щек румянец
Военным блудом распалились. Пыль
Еще клубится, выстрелы еще
Звучат неловко в воздухе прохладном,
А пудренная никнет голова
На лейб-гвардейское сукно кафтана,
Да ражий офицер, откинув шпагу,
Целует губы сдобные.
В степях,
Где Стенькин голос раздуваем ветром,
Опять шумит, опять встает орда,
Опять глаза налиты вдохновеньем,
Жгут гарнизоны, крепости громят,
Чиновники на виселицах пляшут,
Скрипят телеги, месяц из травы
Вылазит согнутым татарским луком.
Вот-вот гроза ударит в Петербург,

Вот-вот царицу за косы потащат
По мостовой и заголят на срам
Толпе, чтоб каждый, в ком еще живет
Любовь к свободе, мог собрать слюну
И плюнуть ей на проклятое чрево...
Нет Пугачева... Кровь его легла
Ковром расшитым под ноги царице,
И шла по нем царица – и пришла
К концу, а на конце – ночной горшок
Принял ее последнее дыханье...
И труп был сизым, как осенний день,
И осыпалась пудра на подушки
С двойного подбородка...
Налетай
И падай мертвым, сумасшедший рыцарь.
И белокурый мальчик вытирает
Широкий лоб батистовым платком.
А там гудит и ссорится Париж.
И между тел, повиснувших уныло
С визгливых фонарей, уже бредет
Артиллерист голодный. Может быть,
Песков египетских венец кипящий
Венчает голову с космою черной,
И папская трехглавая тиара
Упала к узким сапогам его.
И дикий снег посеребрил виски
Под шляпой треугольною и брови
Осыпал нежной пудрой снеговой...
Всё может быть... А нынче только свист

Стремящегося вниз ножа да голос
Судьи, читающего приговор.
А там, в России, тайные кружки,
На помочах ведомая свобода
Да лысый лоб, склоненный меж свечей
К листам бумаги – скользким и шуршащим.
Поездки по дорогам столбовым,
Шлагбаумы, рожки перед восходом,
И, утомленный скукой трудовой,
Царь падает в подушки шарабана.
А в Таганроге – смерть. Дощатый гроб,
Каждения, цветы и панихиды,
А к северу яругами бредет
Веселый странник, ясные глаза
Подняв в гремящее от песен небо.
И солнце пробегает суетливо
По лысому сияющему лбу...
Цареубийцам нет пощады ныне.
Пусть бегают растрепанный певец
Средь войска оробелого. Пускай
Моряк перчатку теребит и жадно
Ждет помощи. Но серые глаза
И бакенбарды узкие проходят
Промеж солдат, и пьяный канонир
Наводит пушку на друзей народа.
Так в год из года. Тот же грузный шаг,
Немецкий говор, холод глаз стеклянных,
Махорочная радость, пьяный стон и...
И повинующиеся солдаты.

Но месть старинная еще жива,
Еще не сгнбла в камне и железе,
Еще есть юноши с огнем в глазах,
Еще есть девушки с любовью к воле.
Они выходят на широкий путь
Разведчиками будущих восстаний.
...Карета сломана... На мостовой
Сырая куча тряпок, мяса, крови,
И рыжий дворник навалился враз
На юношу в студенческой фуражке.
Но восстают загубленные люди,
И Стенька четвертованный встает
Из четырех сторон. И голова
Убитого Емельки на колу
Вращается, и приоткрылся рот,
Чтоб вымолвить неведомое слово.

1921

Освобождение

(Отрывки из поэмы)

1

За топотом шагов неведом
Случайной конницы налет,

За мглой и пылью —
Следом, следом
Уже стрекочет пулемет.

Где стрекозину повадку
Он, разгулявшийся, нашел?
Осенний день,
Сырой и краткий,
По улицам идет, как вол...

Осенний день
Тропой залятой
Медлительно бредет туда,
Где под защитой Кронштадта
Дымят военные суда.

Матрос не встанет, как бывало,
И не возьмет под козырек,
На блузе бант пылает алый,
Напруженный взведен курок.

И силою пятизарядной
Оттуда вырвется удар,
Оттуда, яростный и жадный,
На город ринется пожар.

Матрос подымет руку к глазу
(Прицел ему упорный дан),
Нажмет курок —

И сразу, сразу
Зальется тенором наган.

А на плацдармах
Дождь и ветер,
Колеса, пушки и штыки,
Сюда собрались на рассвете
К огню готовые полки.

Здесь:
Галуны кавалериста,
Папаха и казачий кант,
Сюда идут дорогой мгlistой
Сапер,
Матрос

И музыкант.

Сюда путиловцы с работы
Спешат с винтовками в руках,
Здесь притаились пулеметы
На затуманенных углах.

Октябрь!

Внесен удар упорный
И ждет падения руки.
Готово всё:
И сумрак черный,
И телефоны, и полки.

Всё ждет его:

Деревьев тени,
Дрожа́нье звезд и волн разбег,
А там, под Гатчиной осенней,
Худой и бритый человек.

Октябрь!

Ночные гаснут звуки,
Но Смольный пламенем одет,
Оттуда в мир скорбей и скуки
Шарахнет пушкою декрет.

А в небе над толпой военной,
С высокой крыши,
В дождь и мрак,
Простой и необыкновенный,
Летит и вьется красный флаг.

2

Он струсил!

Английский костюм

И кепи не волнуют боле
Солдатской бунтовщицкой воли
И пленный не тревожат ум.
И только кучка юнкеров,
В шинелях путаясь широких,

Осталась верной.

Путь готов —

Для крепких, страстных и жестоких.

«Стой, кто идет?!»

Осенний дождь

И мрак, овеванный туманом,

Страшны как смерть:

«Я — новый вождь!»

И мимо шагом неустанным,

В пустую ночь и в талый снег,

Сквозь блеск штыков и говор злобы,

Спеша, идет высоколобый,

Широкоплечий человек.

О вы, рожденные трудом,

О вас пройдет из рода в роды

Хвала! Вы пулей и штыком

Ковчег построили свободы.

Куда низринулся удар

Руки рабочей?

Пробегая

Через торцовый тротуар,

Кто восклицает, умирая:

«Коммуна близко...»

На стенах,

Пропахших краскою газетной,

Декреты плещут...

Смерть и страх

По подворотням, незаметно,

Толкутся, как биржевики,

Бормочут, ссорятся и ноют,
Торцы трещат.

Броневики
Сокрытою сиреной воют.
Там закипает и гудит
Случайный бой.

Матрос огромный
В огне и грохоте стоит
Среди камней, под пушкой темной,
Литейщик приложил щеку,
Целясь, к морозному прикладу.
И защищая баррикаду —
Трамвай разбитый на боку.
Гремя доспехами стальными,
Весь в саже, копоти и дыме,
Катится броневик!

Пора
Игру окончить...
Нет пощады
Всем слабым духом...

До утра
Огнем гремели баррикады...
А в небе над толпой военной,
С высокой крыши, в дождь и мрак,
Простой и необыкновенный,
Летит и плещет красный флаг.

Урожай

Дух весны распаленный и новый
Распирает утробу земли,
По лесам, где топорщатся совы,
По болотам, где спят журавли,
После зимнего ветра и стужи,
После вьюг и летучих снегов
Теплый дождь ударяет о лужи,
Каплет мед из набухших цветов.
И голодная доля пред нами
Не маячит туманом степным,
Степь родными желтеет хлебами,
Зимний мрак улетает, как дым.
Богатырская воля родная!
Стыннут степи в зеленом пуху,
И Микула, коня распрягая,
Тащит сам по раздольям соху.
Ходят зори над мглою суровой,
Птичьим цокотом полнится май,
И на дудке играет громовой
По лугам молодой урожай.
Что ж, за долгую темную зиму
Поистратилась сила у нас,
Иль простор золотой и любимый
Наш усталый не радует глаз,
Или птиц перелетная стая

Нам грядущий посев не сулит,
Иль земля молодая, родная
Мощь побегов в себе не таит?
Мы копили упор и терпенье
Тяжкой осенью, нищей зимой,
Чтоб полдневной порою весенней
С хитрым голодом двинуться в бой.
Эй, товарищи дружные, где вы?
Блещут сохи, и плуги звенят,
Вырастают тугие посевы,
Как бойцы, что построились в ряд.
Это хлебное воинство ныне
Тяжкий колос подьмлет вперед
И по нищей и скудной пустыне
Благоденствие вдаль разольет.

1922

Александру Блоку

От славословий ангельского сброда,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.